

Варда Варвара Витальевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет права

Россия, Москва

varda.24@yandex.ru

Varda Varvara

Higher School of Economics

Faculty of Law

Russia, Moscow

УСЛОВИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ

Аннотация: статья посвящена обзору выделенных автором практических проблем, возникающих в связи с несоблюдением законодателем условий криминализации общественно опасных деяний. Рассматриваются такие условия, как наличие относительной распространённости деяния, адекватность уголовного запрета, невозможность воздействовать на определённый вид общественно опасного поведения не уголовно-правовыми средствами, оценка соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяния, учёт возможностей системы уголовной юстиции. Наличие практических проблем обосновывается как ссылкой на доктринальные источники, так и анализом судебной статистики и правоприменительной практики.

Ключевые слова: криминализация общественно опасных деяний, условия криминализации, проблемы криминализации, опережающая криминализация, запоздалая криминализация, казуальная криминализация.

CONDITIONS FOR CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS: PROBLEMS OF PRACTICE

Annotation: the article is devoted to an overview of the practical problems identified by the author, arising from the failure of the legislator to comply with the conditions for criminalizing socially dangerous acts. Such conditions as the presence of a relative prevalence of an act, the adequacy of a criminal prohibition, the inability to influence a certain type of socially dangerous behavior by non-criminal legal means, an assessment of the ratio of positive and negative consequences of criminalization of an act, taking into account the capabilities of the criminal justice system are considered. The existence of practical problems is justified both by reference to doctrinal sources and by analysis of judicial statistics and law enforcement practice.

Key words: criminalization of socially dangerous acts, criminalization conditions, criminalization problems, advanced criminalization, delayed criminalization, casual criminalization.

Криминализация общественно опасных деяний, то есть введение уголовной ответственности за прежде ненаказуемые действия (бездействие), находится в сильной взаимосвязи с реально происходящими в обществе процессами, объективными изменениями в его устройстве и мировоззрении. Многолетней практикой были выработаны условия, соблюдение которых необходимо для введения законодателем уголовного запрета на определённое поведение. В их числе принято называть относительную распространённость деяния, адекватность запрета, невозможность воздействовать на определённый вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами, оценку соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяния, учёт возможностей системы уголовной юстиции и ряд других [1, с. 259].

Возникающие на практике проблемы законотворчества и правоприменения при пополнении Особенной части Уголовного кодекса

новыми статьями связаны в основном с отступлением от названных условий. Так, в качестве одной из проблем можно выделить наличие опережающей и запоздалой криминализации [2, с. 72], появляющейся вследствие игнорирования реальной распространённости того или иного деяния в настоящий момент. Опережающая криминализация происходит вследствие ошибочного предположения законодателя о том, что какое-то общественно опасное деяние в скором времени обретёт широкое распространение и бороться с ним можно не иначе как посредством наложения уголовного запрета. Впоследствии такая ошибка приводит к существованию в Уголовном кодексе «мёртвой» нормы, что является актуальной проблемой для отечественного законодательства.

Одним из примеров таких нежизнеспособных норм является статья 151² УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Статья была принята в 2017 году в качестве ответной реакции на распространение в социальных сетях популярных в то время подростковых «групп смерти». Российский законодатель посчитал, что подобное угрожающее жизням детей поведение будет с течением времени встречаться всё чаще. Однако прогноз оказался неверным, что подтверждается данными статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [3]. Так, с 2017 по 2022 год по ней были осуждены всего два человека по всей России: в 2018 и 2022. Ещё к одному в 2019 году были применены принудительные меры медицинского характера. По части 2 указанной статьи, содержащей квалифицирующие признаки преступления, за всё время её существования к уголовной ответственности не было привлечено ни одно лицо.

Другой крайностью озвученной проблемы является запоздалая криминализация – ситуация, при которой на практике уже успел сложиться и получить относительно широкое распространение определённый вид поведения, очевидно представляющий серьёзную опасность для общества, а в

действующем уголовном законе по-прежнему отсутствует норма, содержащая в своей диспозиции все признаки, по которым можно было бы квалифицировать это деяние. В России ярче всего эту проблему иллюстрирует ситуация, сложившаяся вокруг запрета на торговлю людьми. Новый Уголовный кодекс, принятый в 1996 году, в своей первоначальной редакции не содержал мер ответственности за это преступление (криминализована была лишь торговля несовершеннолетними). При этом сама проблема назрела ещё во время действия советского уголовного закона. Согласно исследованию, проведённому для рабочей группы агентств ООН и Международной организации по миграции, проблема торговли людьми остро встала в Российской Федерации уже в 1992 году, а в 1997 обратила на себя внимание широкой общественности [4]. В то же время статья 127¹ УК РФ, криминализовавшая торговлю людьми, была введена в состав Кодекса только в конце 2003 года [5]. К слову, статья актуальна и по сей день: за последние семь лет по ней были осуждены 127 человек [3], что с учётом специфики преступления является существенным числом.

Современным примером запоздалой криминализации может служить отказ законодателя от установления уголовной ответственности за ведение так называемых «треш-стримов» на видеостриминговых сервисах. Проблема активно обсуждается в СМИ, а также среди специалистов в области уголовного права. В доктрине были сформулированы научно обоснованные аргументы в пользу необходимости дополнения Уголовного кодекса соответствующей статьёй [6, с. 206]. Тем не менее существующее содержание уголовного закона не даёт правоприменительным органам возможности реагировать на не только аморальное, но и общественно опасное поведение треш-стримеров до тех пор, пока они не совершат в процессе трансляции самостоятельное преступление.

Так, апелляционным постановлением Пресненского районного суда города Москвы [7] был оставлен без изменения приговор мирового судьи, вынесенный в отношении блогера А. Бурима, известного под псевдонимом

Mellstroy, осенью 2020 года избившего девушку во время ведения прямого эфира. Действия подсудимого были квалифицированы по статье 116 УК РФ, при этом возможности дополнительно учесть факт совершения преступления на глазах у внушительного числа зрителей у судьи не было, поскольку на это у правоприменителя нет легальных оснований.

Следующая проблема российской правовой системы связана с несоблюдением условия об адекватности установления уголовного запрета, причём актуальна она как для законодателя, так и для правоприменителя. Неадекватность запрета может иметь различные проявления, один из которых будет продемонстрирован далее на конкретном примере.

В 2012 году Уголовный кодекс был пополнен шестью специальными составами мошенничества [8], при этом пять из них фактически уже охватывались диспозицией общей статьи 159 «Мошенничество» (исключением стало мошенничество в сфере компьютерной информации, поскольку хищение в этом составе совершается посредством воздействия на информационно-телекоммуникационные сети, а не непосредственно на потерпевшего). Необходимость выделения мошенничества в разных сферах в отдельные составы преступлений и сегодня вызывает сомнения. За 2022 год по всем частям статьи 159 УК РФ были осуждены 17 089 человек, а по всем частям статей 159¹–159⁶ УК РФ в совокупности 4 129 человек, что составляет менее 25% от количества осуждённых по общей статье. Также верхние пределы санкций указанных статей практически не имеют существенных отличий.

Более того, сам законодатель отчасти признал несостоятельность идеи такой дробной криминализации и декриминализовал мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, предусмотренное статьёй 159⁴ УК РФ, но при этом дополнил статью 159 частями 5–7, предусматривающими ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской

деятельности [9], что только подтвердило мысль о том, что одной статьи для квалификации состава мошенничества может быть достаточно.

Выделение, упразднение и перемещение составов внутри Уголовного кодекса способно привести к путанице среди правоприменителей, отсутствию единообразия в применении ими норм права, возложению на Высшую судебную инстанцию бремени по разъяснению правил квалификации деяний по новым статьям уголовного закона и ряду иных производных проблем.

Также российскому законодателю не всегда удаётся однозначно решить вопрос о возможности или невозможности воздействовать на определённый вид общественно опасного поведения средствами, отличными от уголовно-правовых. Отечественной практике известны случаи, когда законодатель принимал решение о декриминализации деяния, а спустя некоторое время приходил к выводу о том, что решение было поспешным, и воздействовать на данный вид отношений иными средствами неэффективно, после чего статья возвращалась в Уголовный кодекс под новым номером, но с прежним содержанием.

Так, в декабре 2011 года утратили силу статьи 129 и 298 УК РФ [10], предусматривавшие уголовную ответственность за клевету и клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, и сотрудника органов принудительного исполнения РФ, однако всего лишь через полгода они были вновь введены в уголовный закон под номерами 128¹ и 298¹ [11].

Ещё одним условием криминализации, которым порой пренебрегает законодатель, является учёт возможностей системы уголовной юстиции, что не может в конечном счёте не стать проблемой и для правоприменителя. В средствах массовой информации и среди правозащитников давно обсуждается проблема стабильно увеличивающихся объёмов криминализации на фоне гораздо более редких случаев декриминализации (особенно, если учесть, что некоторые исключённые составы имеют тенденцию вновь пополнять УК РФ).

Тенденция уходит своими корнями ещё в советскую эпоху: согласно подсчётам, за время действия трёх УК РСФСР (1922, 1926 и 1960 годов) и первые годы после принятия УК РФ 1996 года было криминализировано более 300 новых видов общественно опасного поведения [12, с. 107]. Актуальность проблемы подтверждает тот факт, что предыдущий год стал рекордным по числу поправок в Уголовный кодекс: в 2022 году в УК РФ было введено 19 новых составов.

Очевидным следствием появления новых статей Уголовного кодекса и их частей является увеличение масштабов преступности и повышение нагрузки на правоприменителей в лице органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Но нежелание учитывать реальные возможности системы уголовной юстиции выражается не только в увеличении её загруженности. Порой проблемы возникают в связи с труднодоказуемостью наличия в деянии элементов нового состава. Например, исследователи Дальневосточного юридического института МВД России указывают на сложность в доказывании наличия у лица статуса так называемого «вора в законе», поскольку подтвердить его может только он сам и некоторые участники преступной организации, а на деле следователям приходится иметь дело с «непроверяемой оперативной информацией» [13, с. 133].

Статья 210¹ УК РФ, криминализовавшая занятие высшего положения в преступной иерархии, была введена в действие в 2019 году [14]. За время её существования (вплоть до 2022 года) к уголовной ответственности по ней были привлечены 28 человек, а по статье 210 (организация или участие в преступном сообществе) за аналогичный период – 443 человека [3], что почти в 16 раз больше. Выявленная диспропорция позволяет предположить, что преступных организаций и сообществ было выявлено несколько больше, чем лиц, занимающих в них высшее положение (даже с учётом того, что «рядовых» членов организаций больше, чем их «главарей»).

Отдельно можно выделить такую проблему российского Уголовного кодекса как казуальность некоторых пополняющих его норм. В моменты напряжённой социальной обстановки, спровоцированной различными факторами, законодатель действует немедленно, вводя уголовную ответственность за деяние, возникшее буквально за несколько месяцев до принятия новой статьи.

Примеры такой казуальной криминализации у всех на слуху: это и статьи 230¹ и 230², установившие ответственность за склонение спортсмена к использованию (или использование в отношении него) субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте [15], после громкого скандала с обвинением Всемирным антидопинговым агентством (WADA) Всероссийской федерации лёгкой атлетики в применении спортсменами допинга; и статьи 207¹ и 207², наложившие запрет на публичное распространение заведомо ложной информации о представляющих угрозу обстоятельствах или иной общественно значимой информации, если это повлекло тяжкие последствия [16], на фоне поднявшейся весной 2020 года волны паники среди граждан, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции.

Статистика неумолимо доказывает, что даже в год своего принятия, то есть буквально на пике актуальности породивших их обстоятельств, эти статьи не пользовались популярностью, не говоря уже о последующих годах. Так, по статьям 207¹ и 207² за три года были суммарно привлечены к ответственности 11 человек, а статьи 230¹ и 230² не были применены ни разу [3].

Выше были озвучены лишь некоторые практические проблемы института криминализации, характерные для российской правовой системы. Подводя итог, можно отметить, что все названные проблемы тесно взаимосвязаны и вытекают одна из другой. Например, проблемы казуальности норм и непринятия во внимание действительной распространённости деяния могут привести к возникновению в кодексе «мёртвой» нормы, а пренебрежение реальными возможностями правоприменителя может спровоцировать излишне

высокие темпы криминализации. Таким образом, российскому законодателю доступны несколько направлений для совершенствования действующих правовых норм, а отечественные исследователи в области права обеспечены проблематикой для научных изысканий.

Список литературы:

1. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учебное пособие. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 284 с.
2. Родионова Т. А. Основные проблемы криминализации деяний в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). С. 71–73.
3. Cdep.ru [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/?id=79>.
4. Un.org [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia.pdf.
5. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
6. Грачёва Ю. В. Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 202–210.
7. Апелляционное постановление Пресненского районного суда города Москвы от 13.09.2021 по делу № 10-7/21.
8. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.
9. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (Часть II). Ст. 4256.

10. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

11. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4330.

12. Лунеев, В. В. Правовое регулирование общественных отношений — важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности // Государство и право. 2001. № 5. С. 106–112.

13. Безлепкина О. В. Границкий Р. Б. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 130–133.

14. Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14 (Части I–IV). Ст. 1459.

15. Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48. Ст. 6732.

16. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК №28

процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства
Российской Федерации. 2020. № 14 (Часть I). Ст. 2030.